

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА и ЛИТЕРАТУРЫ им. А. С. ПУШКИНА

Т. З. МИРСАГАТОВ

**КЫРКСКИЙ ГОВОР
УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УзССР

Ташкент — 1953.

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. С. ПУШКИНА

Т. З. МИРСАГАТОВ

КЫРКСКИЙ ГОВОР УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Ташкент — 1953

*Работа была выполнена в Институте языка и
литературы имени А. С. Пушкина Академии наук
Узбекской ССР.*

Р 05545. Подписано к печати 4/VI-53 г. Бумага $60 \times 92 \frac{1}{16} = 0,5$
бум. л.—1,0 печ. л. Изд. л. 1,0

Типография Из-ва АН УзССР. Ташкент, 1953 г. Заказ 750. Тираж 125.

И. В. Сталин своим гениальным трудом „Марксизм и вопросы языкознания“ обогатил сокровищницу творческого марксизма новыми идеями и открытиями. В этом труде имеются глубокие и ясные ответы на целый ряд сложнейших вопросов философии, истории, филологии и других общественных наук.

И. В. Сталиным разрешены коренные вопросы языкознания: о соотношении между базисом, надстройкой и языком, о народности языка, о законах его развития, структурных особенностях языка, специфике, роли и значении отдельных территориальных диалектов в формировании единого общенационального языка и др.

Согласно сталинскому учению о языке, местные диалекты имеют три важнейших и характерных признака: во-первых, обслуживают народные массы; во-вторых, имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд; в-третьих, некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки.

Точно очерчивая грани между жаргоном и местным диалектом И. В. Сталин учит:

„Классовые“ диалекты, которые правильнее было бы назвать жаргонами, обслуживают не народные массы, а узкую социальную верхушку. К тому же они не имеют своего собственного грамматического строя и основного словарного фонда. Ввиду этого они никак не могут развиваться в самостоятельные языки.

Диалекты местные („территориальные“), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки“¹.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 43.

Изучение особенностей кыркского говора, исследование взаимоотношения между этим говором и узбекским литературным языком и проблема определения и уточнения отношений кыркского говора к кипчакским группам языков и диалектов является одной из актуальных проблем нашего времени в области филологии. Хотя изучение особенности кыркского говора не ставит перед собой цель полного и окончательного разрешения этих проблем, но все-таки делает попытку осветить ряд вопросов непосредственно связанных с этими проблемами на материале исследуемого местного говора.

И. В. Сталин в своем гениальном учении о языке дал развернутую программу по изучению территориальных диалектов, по исследованию процесса перемалывания местных говоров в едином общенациональном языке, в основе которого находится какой-нибудь из местных диалектов, путем постепенного исчезновения специфических особенностей остальных диалектов. Диссертант ставит перед собой цель изучения специфических особенностей кыркского говора, а также изучение процесса перемалывания этого же говора в едином узбекском языке.

Диссертант, устанавливая объектом своего исследования кыркский говор, ставит перед собой нижеследующие задачи:

1. Дать некоторые сведения о кырках и об их говоре.
2. Осветить лингвистические особенности кыркского узбекского говора в отличие от современного узбекского литературного языка.
3. Определить специфические особенности кыркского говора, отличающиеся от каракалпакского, казахского и киргизского языков.
4. Показать плодотворное влияние русского языка на развитие кыркского говора.

I

В настоящее время кырки являются одним из многочисленных родов, входящих в состав узбекского народа и узбекской социалистической нации. Однако кырки исторически восходят к кипчакской семье. Кипчаки в результате раздробления и расхождения, смешивания и скрещивания с другими племенами и народностями оказались в составе различных наций. Они вошли в этнический состав и окрепли в составе того или иного народа. В результате смешивания и скрещивания с другими племенами узбекской народности стали одной неотделимой частью современной узбекской нации.

Кырки-узбеки в настоящее время живут на территории Узбекистана в областях: Бухарской, Сурхан-Дарьинской, Кашка-Дарьинской, частично Ташкентской и других. Главная их масса обитает в восточной части Самаркандской области, они и явились для диссертанта основным объектом изучения.

Основные признаки кыркского и близких ему других узбекских говоров выходят за пределы ведущих городских говоров узбекского языка и связывают их с кипчакской группой языков, а именно: казахским, киргизским, каракалпакским, татарским, башкирским и другими тюркскими языками. Это обстоятельство требует определить место и его исторические взаимосвязи между кыркским говором и узбекским языком, с одной стороны, и отношение кыркского говора к иным тюркским языкам, с другой.

Фонетические, морфологические и лексические особенности кыркского говора ярко показывают, что этот говор все же является ответвлением джекающего или кипчакского диалекта единого общенародного узбекского языка, а не ответвлением других тюркских, в частности: казахского, каракалпакского, киргизского языков.

II

Кыркский говор является одним из сингармонистических говоров единого общенародного узбекского языка.

Гласные кыркского говора по положению языка делятся на две группы: 1) заднего ряда и 2) переднего ряда. Гласных заднего ряда пять: a° , a , o , u , y . Гласных переднего ряда также пять: ε , \ddot{a} , \ddot{o} , \ddot{y} , i .

Наличие в составе гласных кыркского говора десяти самостоятельных фонем, причем среди них такие парные звуки как $a-\ddot{a}$, $o-\ddot{o}$, $u-\ddot{y}$, $y-i$, показывает, что в этом говоре пока еще сильна гармония гласных. Несмотря на это, под плодотворным влиянием единого общенародного узбекского литературного языка и языка великого русского народа явление сингармонизма в кыркском говоре нарушается и в противовес развивается новое фонетическое явление — дисгармония.

Появление гласного a° в кыркском говоре в результате влияния письменного узбекского литературного языка на базе разложения первоначального гласного заднего ряда a на a и $a^{\circ 1}$ и широкое употребление этого гласного a° боль-

¹ См. А. К. Боровков. Проект новой узбекской орфографии. „Ozbek tilinin jani orfografijasi prokti“ Издание Комитета Наук УзССР. 1939, стр. 5—10.

ше всего в односложных словах и в первых слогах многосложных словах против гласных *a-ä*, а также, несмотря на наличие в первых слогах слов гласных заднего ряда *a°* и *a* и употребления в последующих слогах слов гласного переднего ряда *ä*, ясно показывает усиление в этом говоре явления дисгармонии. Например: *a°талäримиз* (наши отцы), *ба°лалäримиз* (наши дети), *a°дамнär* (люди) и т. д. Хотя явление дисгармонии для кыркского говора является зародышем, но перспективы этого явления сильны.

В выражении отдельных согласных кыркский говор отличается от литературного языка, а именно: в кыркском говоре в начале слова вместо среднеязычного согласного *й* употребляется переднеязычный аффрикат *жс*; вместо глубокозаднеязычного *г* в конце слова — губно-губной *в*; глубокозаднеязычный согласный *г* в конце многосложных слов, а также гортанный *х* независимо от занимаемого положения в кыркском говоре опускаются; в конце односложных слов при присоединении притяжательных аффиксов, подобно в многосложных словах, конечный заднеязычный *к* превращается в *г*, а *к* в *г*; в кыркском говоре вместо *ф* употребляется *п*, а вместо проточного *х* — смычный *к* и т. д. Такие фонетические соответствия являются признаками кыркского говора, отличающие его от литературного узбекского языка. Однако под влиянием литературного языка эти признаки подвергаются изменению.

* * *

Наличием множества фонетических разновидностей именных и глагольных аффиксов кыркский говор отличается от современного узбекского литературного языка. В этом убеждают способы словообразования и словоизменения в кыркском говоре.

Вместо одной в литературном языке форме-*лар* аффикс множественности в кыркском говоре имеется четыре фонетические разновидности: *-лар, -läр, нар, -нär* согласно твердости или мягкости корней и основ слов и в соответствии конечных сонорных звуков в слове.

В кыркском говоре аффиксы принадлежности помимо показателей лица и числа употребляются в различных фонетических вариациях: во-первых, согласно окончанию корней и основ на гласных или согласных, во-вторых, по твердости или мягкости корней и основ, в-третьих, соответственно наличию лабиальных или нелабиальных гласных в корнях и основах.

Аффиксы принадлежности в кыркском говоре после конечных гласных, имеют 16 форм, а после конечных соглас-

ных — 24. Это говорит о том, что фонетические варианты аффиксов принадлежности после конечных согласных количественно превышают фонетические вариации после конечных гласных.

В кыркском говоре имеются различные фонетические варианты падежных окончаний, употребляющиеся в зависимости от твердости или мягкости корней и основ, от окончания корней и основ на гласные и на звонкие или на глухие согласные. Такого рода характеристика окончаний присуща без исключения всем (конечно, кроме именительного) падежам.

В кыркском говоре местный падеж употребляется в 4 формах, исходный падеж в 6 формах, дательный падеж в 8-ми формах, родительный падеж в 12 формах, а винительный падеж в 13 формах.

Узбекский кыркский говор имеет богатую форму образования и спряжения глаголов. Различные формы глаголов в данном говоре связаны с временным понятием и понятиями лица и числа. В кыркском говоре имеются аффиксы для образования и спряжения глаголов: 1) прошедшего времени, 2) настоящего времени и 3) будущего времени.

Аффиксы прошедшего времени имеют различные формы, сообразно простым и сложным формам глаголов и соответственно их спряжения. Формы прошедшего времени связаны со следующим видом глаголов: категорическим, перфективным, субъективным, повествовательным, давнопрошедшим, прошедшим данного момента, прошедшим длительного времени. Формы настоящего времени глаголов зависят от следующих видов: настоящее-конкретного, настоящее-длительного, настоящее-будущего времени. Формы глаголов будущего времени исходят из: будущее-предположительного, будущее-желательного глаголов.

* * *

Словарное богатство кыркского говора в корне не отличается от словарного состава джекающего диалекта и единого общенародного узбекского языка.

Общий фонд словарного состава кыркского говора, по сравнению со словарным богатством единого общенародного литературного узбекского языка, можно охарактеризовать следующими тремя показателями: 1) слова, отличающиеся от литературного узбекского языка, 2) слова, мало отличающиеся от узбекского литературного языка, 3) слова, не отличающиеся от узбекского литературного языка.

Слова в кыркском говоре, отличающиеся от литературного языка, в основном, выражают конкретное понятие, связанное с понятиями предметов, питания, одежды и тому подобное. Например: *бобак* (чақалоқ — ребенок), *там* (уй — дом), *маяк* (тухум — яйцо), *чайки* (сузма — процеженное кислое молоко), *тухум* (уруғ — семена), *вассә* (тоқи — дощечки между бревнами потолка), *күррә* (хүтик — осленок), *адрасман* (исириқ — душистое растение), *нури* (гүнг — навоз) и т. д. Кроме того некоторые слова, выражают абстрактные понятия *әләмжән* (күп, узоқ — много, далеко), *ияртмак* (эргаштирмоқ — вести за собой), *қава^осәт* (вахима — паника, тревога), *дим* (хеч — ни, абсолютно, совсем) и т. д.

Однако необходимо сказать и о том, что лексические особенности кыркского говора не ограничиваются отличием от лексики узбекского литературного языка, но еще показывают различия в употреблении отдельных слов между говорами в кишлаках одного и того же района Узбекистана. Сравнение лексики говоров кишлаков *Лайка*, *Будана*, *Эрганакли* Булунгурского района ярко доказывает это положение.

Однако не все слова из словарного состава территориального диалекта резко различаются от слов единого литературного языка. В словарном составе кыркского говора имеются такие слова, которые очень мало отличаются от лексического состава современного литературного узбекского языка. Эти различия являются, главным образом, в произношении слов с некоторыми фонетическими изменениями. Например: *а^онса^т* (осон — легкий), *а^овур* (оғир — тяжелый), *мәвә* (мева — плод, фрукт), *төбә* (тепа — холм), *дийирмән* (тегирмон — мельница), *пүтүн* (бутун — целый), *мийман* (меҳмон — гость), *бйүтүб* (бундай этиб — таким образом), *некин* (лекин — но), *көгәрма^оқ* (кўкармоқ — зеленеть, расти), *дән* (дон — зерно), *а^овуштырма^оқ* (алиштырмоқ — менять, обменивать), *мойлаб* (мўйлов — усы), *мурун* (бурун — нос) и т. п.

Отдельные слова и сочетания слов, несмотря на то, что они имеют общую форму как в литературном языке, так и в местных диалектах, все же выражают другие понятия. Например, в литературном узбекском языке слова *там* обозначает крыша, *дала* — поля, *шилта* — мокрый, *қидирма^оқ* — искать, разыскивать, а в кыркском говоре слово *там* означает глиняный дом, слово *дала* употребляется в смысле вне, за (пределами), слово *шилта* — в смысле сильно потеть, а, слово *қидирмоқ* — итти прогуливаться, быть в гостях и т. п.

В кыркском говоре в устном творчестве местного населения, в частности в поговорках, пословицах и загадках слова выражают различные смысловые оттенки, отличающи-

еся от литературного языка. Однако такие отличия связаны спецификой поэтических приемов. Например: *Ийирли жердә эл өлмәс, андызлы жердә а°т өлмәс* (не погибнет население, где растет айир и не погибнут лошади, где растет андиз). *Ақлы ба°р чәйнәйди гәптинг тузуну* (глубоким смыслом речи проникается преобладающий умом). *Күчүк басмас жолбарс, шердинг изини* (не посилен щенок итти по следам тигра и льва) и тому подобные пословицы.

III.

Единый общенародный узбекский язык, а в его составе кыркский говор, имеет сходство с каракалпакским, казахским, киргизским, туркменским, азербайджанским, татарским, башкирским и другими тюркскими языками. По фонетическим и морфологическим признакам и по некоторым лексическим особенностям кыркский говор более сходен с каракалпакским, казахским и киргизским языками, чем с другими языками тюркской системы.

Однако сходство кыркского говора с каракалпакским, казахским и киргизским языками не дает права считать его ответвлением одного из этих языков. Ибо каракалпакский, казахский и киргизский языки имеют свои специфические особенности, а кыркский говор, равно как и другие джекающие узбекские говоры, имеет свои признаки. Эти особенности, в основном, исходят из: 1) фонетической системы, 2) словарного состава и 3) грамматического строя (морфологических и синтаксических признаков) языка.

* * *

По составу гласных фонем кыркский говор отличается от каракалпакского, киргизского и казахского языков. Если в разговорном языке каракалпакского, киргизского и казахского языков имеется, в основном, девять гласных фонем, то в кыркском говоре их десять.

Один из важных и основных признаков кыркского говора, отличающийся от системы гласных каракалпакского, казахского и киргизского языков—широкое употребление слегка лабиализованного, заднего ряда широкого гласного а°. Этот гласный употребляется не только в односложных и в начальном слоге многосложных слов, а местами и во втором и в третьем слоге, особенно в словах, заимствованных из таджикского и арабского языков. Так например. а°ш (пища), на°н (хлеб), та°м (дом), а°т (лошадь), ба°в (сноп) ба°ла (ребенок), а°та (отец), за°ма°н (время), а°нса°т (легкий), а°вла°қ (далекая и безлюдная местность), хава° (воздух) жама°ат (общество), сана°ат (промышленность) и т.п.

В устном и литературном произношении каракалпакского, казахского и киргизского языков не имеется заднего ряда широкого, слегка лабиализованного гласного звука a° . В этих языках во всех положениях и в одинаковой степени, а также и вместо кыркского гласного a° , в основном употребляется заднерядный нелабиализованный гласный a .

Если в кыркском говоре, в большинстве случаев в последующих слогах слов, а также в аффиксах, употребляется гласный \bar{a} , в каракалпакском, казахском и киргизском языках вместо этого гласного применяется гласный e . Остальные 8 гласные-фонемы, a , \bar{a} (e), o , \bar{o} , y , \bar{y} , a° , $ы$, $и$ как и кыркском говоре, так и в каракалпакском, киргизском и казахском языках имеют в основном одинаковые способы применения.

В выражениях отдельных согласных кыркский говор отличается от каракалпакского и казахского языков, с одной стороны, и от киргизского языка, с другой. Несмотря на это в употреблении некоторых согласных кыркский говор приближается к киргизскому языку, а именно:

1. Переднеязычный, взрывной аффрикат $ч$ и в кыркском говоре, а также и в киргизском языке употребляется одинаково. Тогда как в каракалпакском и казахском языках вместо аффриката $ч$ кыркского говора и киргизского языка применяется щелевой переднеязычный согласный $ш$.

2. В кыркском говоре и в киргизском языке щелевой переднеязычный согласный $ш$ в основном, имеет одинаковую функцию. Однако слова, произносимые в кыркском говоре и в киргизском языке переднеязычным согласным $ш$, в каракалпакском и казахском языках выражаются с помощью переднеязычного согласного $с$.

Между фонемами гласных, и некоторыми фонемами согласных, а также между различными комбинаторными вариантами основных фонем узбекского кыркского говора и каракалпакского, казахского, киргизского языков имеется также заметное различие. Существенное различие фонетической системы выявляется еще яснее в грамматическом строе языка, продемонстрированном в связных текстах.

* * *

Отдельные слова, входящие в словарный состав узбекского кыркского говора и каракалпакского языка, а также казахского и киргизского языков соответственно фонетическим особенностям этих языков произносятся различно. Например, в кыркском говоре и в каракалпакском языке — *галбыр* (решето), в казахском и киргизском языках — *қал-*

быр; в киргизском языке—*кумуш*, по-казахски—*кумис*, по-каракалпакски—*гумис*; слова в кыркском говоре и в киргизском языке: *чӳч* (волос), *чапан* (халат), *чумчуқ* (воробей), *эчки* (козел), *пичақ* (ножик), *қапчық* (мешочек) и т. п. в каракалпакском и казахском языках произносятся *шаш*, *шапан*, *эшки*, *пышақ*, *қапшиқ*, по-каракалпакски—*шымшык* по-казахски—*торғай*: слова в кыркском и в киргизском языках: *баш* (голова), *қашқыр* (волк), *пишак* (по-киргизски *мышық*—кошка), *таш* (камень), *қашық* (ложка), и подобные им в каракалпакском и казахском языках употребляются в форме *бас*, *қасқыр*, *мысық* (по-каракалпакски — *пышық*), *тас*, *қасық* и т. д.

В словарном составе кыркского говора, каракалпакского казахского и киргизского языков встречается довольно много слов, которые друг на друга не похожи, такие слова обычно, в кыркском говоре употребляются в одной форме, а в сравниваемых с ним языках в другой или наоборот: в большинстве у тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, эти слова употребляются в одинаковых формах, а в одном или в двух из этих народов—в разных формах. Например, слова в кыркском говоре: *мойлаб*, *мурт* (усы), *панжа* (кисть руки), *мӳяк* (яйцо), *гилӳс* (черешня), *ақшам* (ночь), *зимиста^н*, *қыш* (зима), *пақир* (ведро), *желка* (плечо), в каракалпакском, казахском и киргизском языках употребляются в другой форме: *мурт*, *барма^қ* (по-казахски *саусақ*), *жумуртқа* (по-каракалпакски *майек*), *шие* (по киргизски—*чие*, *тун*, *қыс* (по-киргизски *қыш*), *шелек* (по-киргизски *челек*), *ийин* и *ыйық*. Употребление слов в различных формах и значениях раскрывает специфические лексические особенности отдельных местных говоров и диалектов, а также каждого языка.

Лексические особенности кыркского говора можно ясно видеть не только в словах, входящих в группу **имен**, но и в словах, которые относятся и к другим грамматическим категориям:

Слова, относящиеся к причастиям и деепричастиям: в кыркском говоре—*қадымғыдай*, *бурунғудай* (попрежнему), в каракалпакском и киргизском языках—*бурунғудай*, в киргизском языке *мурунғудай*; в кыркском говоре—*қычап* (торопя), по-каракалпакски—*қыстап*, по-казахски—*асығып*, по киргизски—*шашқалақтап*; в кыркском говоре—*ча^қлап* (наметив), по-каракалпакски — *анықлап*, по-казахски — *белгилеп* по-киргизски — *болжолдоп*; в кыркском говоре — *илкistäй*, *туяқсуннан* (внезапно), по-каракалпакски—*бирден*, *бирденнен*, по-казахски—*кенет*, *матқапы*, по-киргизски — *күтүлбөгөн*, *қоқустан болғон* и т. п.

Слова, относящиеся к прилагательным: в кыркском говоре—*кәттә* (большой), в каракалпакском и казахском языках—*ұлкен*, в киргизском языке—*чонг*; в кыркском говоре—*дангдар* (знатный), по-каракалпакски *атақлы* по казахски—*дангқты* по-киргизски—*атақтуу* и т. п.

Слова, относящиеся к числительным: в кыркском говоре:—*бирав* (один), по-каракалпакски и по-казахски—*биреу*, по-киргизски—*бирөө*; в кыркском говоре—*алтав* (шесть), в каракалпакском и казахском языках—*алтау*, по-киргизски—*алтоо*, в кыркском говоре—*он ча^оқлы* (примерно десять), по-каракалпакски—*он лаған*, по-казахски—*он шамалы*, по-киргизски—*он чақты* и т. п.

Слова, относящиеся к местоимениям: в кыркском говоре—*барча, бәри* (все), по-каракалпакски—*барлық*, по-казахски—*бәри*, по-киргизски—*бардык*; в кыркском говоре—*хечқандай* (никакой), по-каракалпакски—*хешбир*, по-казахски—*ешқандай*, по-киргизски—*эчқандай*; в кыркском говоре и в каракалпакском и в казахском языках—*маған, саған*, а в киргизском языке—*маға, саға* и т. п.

Слова, относящиеся к глаголам: в кыркском говоре—*бозлама^оқ* (плакать, реветь), *ахтарма^оқ*, *излама^оқ* (искать), *иркилмак* (бояться, пугаться), *тумалама^оқ* (катиться кубарем), *иярлама^оқ* (седлать), *қамсама^оқ* (окружать), в каракалпакском языке—*жлау*, *излеу*, *қысыну*, *думалану*, *ертлеу*, *қоршап алу*, в казахском языке—*жылау*, *излеу*, *қорқу*, *дөнгелену*, *ерттеу*, *қамап алу*, в киргизском языке—*ыйлоо*, *издөө*, *чочуу*, *төгөлөнүү*, *ээрдөө*, *ороо* и т. п.

Служебные слова: а) союзы и частицы в функциях союзов: в кыркском говоре—*ва* (и), *минән-мынан* (с) *хәм* (тоже), *гә-гә* (иногда), *чунки* (потому что), *ё* (или), по-каракалпакски—*және, менен, пенен, бенен, хәм, анда-санда, неушын, ямаса*, по-казахски—*және, менен, бенен, пенен, да-де, кей уақытта, сондықтан, я*, по-киргизски—*жана, менен, да-дағы, кээде-кээбирде, ошондуктан, же* и т. п.; б) послелогги: в кыркском говоре—*учун* (для), *сингари* (как), *илгари* (раньше), *хақыда* (о, об, по поводу), *туврысыда* (о, об, про) *арқалы* (посредством), по-каракалпакски—*ушын, сияқлы, бурун, хаққында, турасында, арқалы*; по-казахски—*ушын, сыяқты, бурын, жөнінде, туралы, арқылы*, по-киргизски—*учун, сыяктуу, мурунқу, илгери, жөнүндө, тууралу, арқалву* и т. п.; в) частицы: в кыркском говоре—*ма-мә, ба-бә, па-пә; дай-дек*, в каракалпакском и казахском языках—*ма-ме, ба-бе, па-пе; ғой, ғана, дай-дей, тай, тей*, по-киргизски—*мы-ми, бы-би, ны-ни, ғо, дай-дей-дой, тай-тей-той* и т. п.

Междометия:—в кыркском говоре—*ах, э, вай*; *қурий-қурий* (подражание лошади); *хош-хош* (подражание корове);

туфей-туфей (подражание овце); *-ду-ду* (подражание курице) по-каракалпакски — *пак, а, уай; маҳ,-маҳ, маҳ-маҳ; ҳаукем* или *хау-хау; қуррай-қуррай; тӧ-те, тӧ-те*; по-казахски — *аҳ, еҳе, ой, қуру-қуру; моҳ-моҳ, шӧре-шӧре; тӱ-тӱ-тӱ-тӱ*; в киргизском языке — *апей, а, ай; қуру-қуру, моо-моо, ов-ов қу-р-р-ей; тӱ-тӱ-тӱ-тӱ* и т. п.

* * *

Узбекский кыркский говор отличается от каракалпакского, казахского и киргизского языков своими некоторыми грамматическими признаками — морфологическими элементами, отдельными типами словосочетаний и частично синтаксической конструкцией.

Различие между морфологическими элементами больше всего наблюдается в употреблении некоторых аффиксов в разнообразных фонетических вариантах в различных условиях. Кроме того, некоторые словообразующие аффиксы применяются в кыркском говоре в одной функции, а в сравниваемых с ними языках эти же аффиксы употребляются в другой функции. Например, суффикс *-паз* употребляется в каракалпакском языке: *аспаз* (повар), *эртекпаз* (сказочник), *ойынпаз* (танцор), а в казахском языке: *ас басшы* (повар), *кулкипаз* (улыбчивый), *жағымпаз* (приятный); *ӧнерпаз* (фокусник), *ӧсемпаз* (украшатель) и т. п. функциях.

Так же каракалпакский, казахский и киргизский языки имеют специфические морфологические элементы, отличающие их от узбекского кыркского говора. Эти элементы больше всего относятся к словообразующим аффиксам. Например, неопределенно-количественные числительные в кыркском говоре образуются присоединением к корням и основам аффикса *-чӧ*, и слова *чамасы* (примерно), в каракалпакском языке *-лаған,-леген*, в казахском языке *-лаған-леген,-даған-деген,-таған,-теген*, а в киргизском языке *-дай,-дей,-дой,-дӧй,-тай,-тей,-той,-тӧй*.

Словоизменяющие аффиксы кыркского говора и каракалпакского, казахского, киргизского языков, согласно своей фонетической системе, имеют различные варианты:

Аффиксы множественности. В каракалпакском языке аффиксы множественности употребляются в 2-х формах — *-лар* и *-лер* вместо 4-х фонетических вариаций в узбекском кыркском говоре: *-лар, лӧр,-нар,-нӧр*; в казахском языке эти аффиксы имеют 6 фонетических разновидностей: *-лар,-лер,-дар,-дер, тар,-тер*, а в киргизском языке 12 форм: *-лар,-лер,-лор,-лӧр,-дар,-дер,-дор,-дӧр,-тар-тер,-тор,-тӧр*.

Аффиксы принадлежности. Изменение существительных с аффиксами принадлежности гораздо сложнее, чем

изменение слов с аффиксами множественности, потому что в узбекских диалектах с 9—10 гласными укладами, равно как и в других тюркских языках аффиксы принадлежности и их различные формы устанавливаются, исходя: во-первых, к какому лицу относятся субстантивированные слова, во-вторых, в зависимости от категории числа, в-третьих, твердости-мягкости корней и основ, в четвертых, от того, на какие звуки, на гласные или на согласные, оканчиваются корни и основы.

Но дополнительно к этим формам получают новые варианты аффиксов принадлежности киргизский язык и узбекский кыркский говор благодаря наличию в корне и основе слов лабиальных гласных.

Аффиксы падежей. Основа склонения слов по падежам в кыркском говоре и каракалпакском, казахском и киргизском языках, в основном, одна и та же. Каждый из этих языков имеет шесть падежей с одинаковыми вопросами. Однако в грамматиках казахского и каракалпакского языков числится седьмой, так называемый послелоговый падеж, имеющий свое формальное выражение, которое исторически восходит к послелогу *блан* (с).

Именительный падеж во всех тюркских языках выражается без их грамматических окончаний, кроме аффиксов принадлежности. Каждый из остальных падежей имеет особые морфологические признаки—свое падежное окончание с различными фонетическими разновидностями. Фонетические варианты падежных аффиксов устанавливаются соответственно грамматической системе и соответственно специфическим законам произношения каждого языка.

Аффиксы сказуемости. Слова с аффиксами сказуемости обычно выражают *кем* или *чем* являются предмет, к какому социальному слою или профессии относится личность, а также показывают качество и состояние предмета.

В узбекском кыркском говоре аффиксы сказуемости состоят в следующем: *-ман, -мән, -сан, -сән, -сыз, -сиз, -мыз, -миз, -сызлар, -сизләр*. В каракалпакском языке аффиксы сказуемости к корням и основам присоединяются в нижеследующих формах: *-ман, - мен, - бан, - бен, - пан, - пен, -санг, -сенг, - мыз, -миз, -быз, -биз, -пыз, -пиз, -санглар, сенглер, -сызлар, -сизлер*. В казахском языке виды аффиксов сказуемости следующие: *-мын, -мин, -бын, -бин, -пын, -пин, -сынг, -синг, -быз, -биз, -пыз, -пиз, -мыз, -миз, -сын дар, -сингдер, -сиздар, -сиздер*.

Аффиксы сказуемости в киргизском языке и по форме и по значению в основном совпадают с казахским. Однако согласно фонетической системе данного языка, соответственно губной гармонии, в киргизском языке аффиксы сказуемо-

сти имеют еще новые дополнительные фонетические варианты.

Спряжение глаголов в кыркском говоре, как и в общенародном узбекском языке, а также в каракалпакском, казахском, киргизском языках, зависит, главным образом, от категории: 1) прошедшего времени, 2) настоящего времени и 3) будущего времени. В сопоставляемых языках, соответственно характеру и особенностям каждого времени, глаголы образуются и спрягаются по-разному, при этом имея аффиксы в различных фонетических вариациях.

Отличительные грамматические особенности кыркского говора от языков сопредельных тюркских народов, например, каракалпакского, казахского и киргизского не ограничиваются лишь только основными типами словообразующих или словоизменяющих аффиксов. Имеются и различия в отдельных типах словосочетаний и в структуре некоторых предложений, сообразно грамматическому строю и грамматическим законам этих языков.

IV.

В результате победы социализма в нашей стране создано и укрепилось среди народов различных национальностей взаимное уважение, дружба и всестороннее сотрудничество. Национальные языки, развиваясь свободно, имели и имеют возможность обогащать друг друга в порядке сотрудничества. Роль русского языка в обогащении национальных языков очень велика.

Русский язык не только оказал влияние на формирование и развитие единого узбекского национального языка, вместе с тем он сильно влиял на развитие территориальных диалектов и местных говоров узбекского языка.

Плодотворное влияние русского языка на узбекские территориальные диалекты, в том числе и на узбекский кыркский говор, идет двумя путями: 1) претерпевая влияние литературного узбекского языка, 2) под непосредственным влиянием самого русского языка.

Благодаря плодотворному влиянию русского языка на кыркский говор, в его словарном составе появилось довольно много слов и терминов, которые взяты непосредственно из русского языка или заимствованы через русский язык.

В кыркском говоре употребляются такие обиходные советско-интернациональные слова, как: *социализм, коммунизм, план, совет, партия, комсомол, профсоюз, пионер, колхоз, совхоз, бригада, звено, завод, фабрика, цех, ма-*

шина, трактор, комбайн, сеялка, окучник и другие, которые отражают новую социалистическую жизнь местного населения, выражают конкретные и абстрактные понятия, связанные с построением коммунистического общества.

Советско-интернациональные слова, появившиеся в местных диалектах и говорах, а также в отдельных национальных языках под плодотворным влиянием русского языка развиваются и „уже вызревают семена, зародыши будущей зональной и интернациональной терминологии и даже отчасти лексики и фразеологии, которые, в той или иной звуковой оболочке, войдут в основной словарный фонд будущего единого языка человечества“.¹

Следовательно, этот зародыш не только обеспечивает единство между отдельными местными диалектами и единого общенационального языка, но и является стимулом развития разнотемных национальных языков общим потоком по созданию в далеком будущем единого всемирного языка.

* * *

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Изучение кыркского говора дает возможность, исходя из фактических материалов, продвинуть некоторые теоретические положения и обобщения по джекающему или кипчакскому диалекту единого узбекского языка.

2. Кыркский говор, как ответвление джекающего диалекта единого узбекского языка, отличается по своей структуре—фонетической системой, морфологическими и лексическими особенностями от современного узбекского литературного языка, который базируется на ведущих городских говорах.

3. Кыркский говор, который генетически восходит к кипчакским группам языков, имеет общность в фонетическом составе, в грамматическом и лексическом отношении с каракалпакским, казахским и киргизским языками. Несмотря на это, кыркский говор является и остается говором узбекского языка.

4. Под плодотворным влиянием современного узбекского литературного языка и языка великого русского народа кыркский говор, равно как и другие местные узбекские говоры, развивается путем перемалывания в единый общенародный узбекский язык, пропитываясь интернациональными элементами—зародышами будущей зональной и интернациональной терминологии,—по выражению акад. В. В. Виноградова.

¹ См. доклад академика В. В. Виноградова: „Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания“, „Материалы объединенной научной сессии, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию“, Издательство Академии Наук РСФСР, Москва, 1951, стр. 57.